



ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Дмитрий Травин

Семидесятные —
анализ поколения

Препринт М-25/11

**Центр исследований
модернизации**



Санкт-Петербург
2011

УДК 323.396
ББК 66.3
Т65

Травин Д.Я.

Т65 Семидесятнудые — анализ поколения / Дмитрий Травин : Препринт М-25/11. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. — 36 с. — (Серия препринтов; М-25/11; Центр исследований модернизации).

В тексте научного доклада предпринимается попытка анализа факторов, влияющих на формирование поколения жителей позднего Советского Союза (семидесятнудых) — тех, кто вошел в сознательный возраст после окончания хрущевской Оттепели, но до начала горбачевской перестройки (в долгие семидесятые). Это — поколение тех, кто осуществляет сегодня политическое руководство страной, стоит у руля крупнейших промышленных и финансовых компаний, является «лицом России» в сфере культуры. Трудно понять особенности нынешней ситуации в стране без понимания поколенческих особенностей ее первых лиц.

Информация об авторе: Травин Дмитрий Яковлевич — кандидат экономических наук, научный руководитель Центра исследований модернизации (ЕУСПб); dtravin61@mail.ru.

В августе 1968 года советские войска были введены в Чехословакию для подавления Пражской весны — попытки построения так называемого социализма с человеческим лицом. Значение чехословацкого социально-политического эксперимента далеко выходило за рамки истории отдельной страны, поскольку до августовских событий многим казалось, что можно будет совместить социалистический экономический «базис» (если пользоваться марксистскими терминами) с демократической «надстройкой», устранив тем самым как минусы жестокого капиталистического мира конкуренции, так и минусы жестокого сталинского мира репрессий. Казалось, что чехословацкий опыт может распространиться на многие страны мира, в том числе на СССР. Это обуславливало надежды на перемены для многих советских людей, не желавших расставаться с коммунистической мечтой, но трезво осознававших, что реально происходило в стране в годы социалистического развития.

Подавление Пражской весны перечеркнуло все эти надежды. Поколение советских юношей и девушек, которое входило во взрослую сознательную жизнь после этого события, во многом испытало на себе воздействие эпохи разочарований. Молодые люди могли даже не знать ничего о том, что произошло в августе 1968 года, но, взрослея, они уже не находили вокруг себя многого из того, что составляло духовную атмосферу предшествующей эпохи. И именно это становилось главным фактором воздействия на поколение семидесятных.

По иронии судьбы именно в августе 68-го известный советский писатель-фантаст Иван Ефремов завершил работу над романом «Час быка», в котором рисуется картина идеального коммунистического общества. Коммунизма с таким мощным человеческим лицом, что его видно аж на далеких планетах [Ефремов]. Пожалуй, это была последняя великая мечта подобного рода. После фантаста Ефремова подобным образом уже никто не фантазировал.

Когда был Путин маленький...

В семидесятые был популярен такой стишок, приписываемый Агнии Барто:

Когда был Ленин маленький
С кудрявой головой,
Он тоже бегал в валенках
По горке ледяной.

Я не знаю, бегал ли маленький Путин по горке в валенках, но во всем остальном он был похож на других молодых людей, выросших в семидесятые. Точнее, в «долгие 70-е», начавшиеся после подавления Пражской весны и завершившиеся к середине 80-х, когда Михаил Горбачев сформировал новые правила игры.

В августе 68-го Путину (1952 г. р.) не исполнилось и 16-ти. Он был юношей, обдумывающим жите и решающим, «сделать бы жизнь с кого»? Как известно, в соответствии с рекомендацией Владимира Владимировича Маяковского [Маяковский, с. 319] Владимир Владимирович Путин решил делать жизнь с товарища Дзержинского. И даже зашел на Литейный, 4 («Большой дом» — здание КГБ в Ленинграде), чтобы выяснить, как попадают туда на работу. Встретивший юношу «ответственный товарищ» посоветовал получить высшее образование. Лучше всего — юридическое. Что Путин и сделал, превратившись со временем в профессионала, чья реальная жизнь сильно разошлась с мечтой о героических буднях разведчика.

Мечта формировалась под воздействием шестидесятнических книг и фильмов типа «Щит и меч» (телевизионный «хит» конца 60-х), в которых наш разведчик, герой-одиночка, добивается того, что не могли сделать целые армии. Но в реальности герой должен был методично работать с агентурой, превратившись, как сам он отмечал, в «специалиста по общению с людьми» [От первого лица, с. 24–25, 41]. Разведчик Александр Белов (он же Иоганн Вайс) в считанные мгновения преображал мир чудовищным напряжением сил. Владимир Путин не преображал ничего — жил за границей, ходил на службу, пил пиво, общался с людьми, получал звания, приобретал опыт, который, в конечном счете, и обусловил взлет его карьеры.

Дмитрий Медведев (1965 г. р.) на 13 лет моложе Путина. Шестидесятничества он не застал вообще. Когда танки давили Пражскую весну, ему было лишь три годика. И для него в жизни вообще никогда не было избыточного романтизма, как отмечал сам Медведев. «Не помню, чтобы мы мечтали завоевать мир», — уточняет одна из его однокурсниц. И в добавление к этому очень точно подмечает, что случаи выбора романтической профессии имелись (пойти в милицию — бегать по крыше с пистолетом),

но при выборе между аспирантурой и чем-то более близким к романтике всегда предпочтение отдавалось первому варианту. Ведь это — статус, востребованность, это высший уровень [Сванидзе, Сванидзе, с. 154–156].

Михаил Ходорковский (1963 г. р.) чуть старше Медведева. Казалось бы, из другой команды, из оппозиции. Но, по сути, чрезвычайно похож на своих более «правильных» товарищей. Он — просто образец прагматизма. Начал делать бизнес в конце 80-х еще под комсомольской крышей. Называлось тогда это «Центр НТТМ» (научно-технического творчества молодежи). К подобному «творчеству» относилось, помимо всего прочего, формирование «завтрака в дорогу» для продажи на вокзале. Брели булочку, кусок колбасы, сырок и помидорчик. Тратили на все про все 14 копеек. Затем клали в бумажный пакет и продавали по полтиннику.

Помимо операции «Завтрак в дорогу», практиковали еще операцию «Варенка». Брели в магазине дрянные советские штаны для пролетариата, обрабатывали специальным раствором и продавали втрое дороже, как модные джинсы.

Ходорковский уверяет, будто, проделывая все это, он оставался убежденным комсомольцем и поменял мировоззрение лишь в 1990–91 годах, когда выехал за границу [Панюшкин, с. 39–40, 48–49]. Полагаю, Михаил Борисович за мировоззрение выдает простую лояльность системе. Но даже если неким чудом он все же на время «законсервировался», надо признать, что жизнь в какой-то момент семидесятнула его по голове, и было это намного раньше, нежели в начале 90-х.

Семидесятые, по сути дела, тянулись до Горбачева. Календарная эпоха не совпадала с политической. Но у историков есть обыкновение говорить о долгих эпохах. Например, начало XIX века иногда относят к 1789 году, когда во Франции совершилась Великая революция, поманившая людей в светлое будущее, а конец — к 1914-му, когда во всей Европе разразилась Великая война, открывшая двери в мир распада прогрессистских иллюзий.

Конечно, деление это условно. Оно отражает скорее угол зрения исследователя, а не объективную реальность. Впрочем, не будем сейчас отвлекаться на глобальные размышления. Вернемся к поколениям, жившим в СССР.

Тех, кто сформировался после хрущевского разоблачения сталинизма и до подавления Пражской весны, принято называть шестидесятниками, а эпоху формирования этого поколения — хрущевскую Оттепель — можно было бы назвать «долгими шестидесятыми», несмотря на то, что началась она в феврале 1956 года. Прекрасное описание черт этого поколения дали в своей знаменитой книге Петр Вайль и Александр Генис. Авторы отразили и роль коммунистического мировоззрения, и дерзость проникновения в космос, и романтику освоения Сибири, и кубинский дух революции, и ширящийся интерес к Западу, и споры физиков с лириками, и прелесть бардовской песни, и смелость зарождения диссидентства [Вайль, Генис].

Любопытные размышления об эпохе предложил Борис Фирсов. Он сформулировал концепцию разномыслия как феномена, который лежал в основе перемен, постепенно происходивших в советском обществе [Фирсов].

Конечно же, Оттепель не сменилась жестокими морозами всего лишь за пять августовских дней 1968 года. К «перемене климата» советская система шла довольно долго. Однако до какого-то времени сохранялась надежда на то, что она способна совершенствоваться. И, соответственно, молодые люди вступали во взрослую жизнь с надеждой на перемены. После подавления Пражской весны такого рода надежд не осталось.

В театре «Современник» 7 ноября 1967 года (50 лет Октябрьской революции!) состоялась премьера абсолютно шестидесятнической пьесы Михаила Шатрова «Большевики», в финале которой исполняется «Интернационал» [Шатров, с. 125]. Проникнувшись революционным пафосом, зал рыдал под звуки этого гимна КПСС. Год спустя (после августа 1968-го) никто уже не рыдал. Более того, сами артисты вместо слов «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...» пели «до основанья... А зачем!?» [Козаков, с. 190–192].

И впрямь, теперь неясно было, ради чего разрушать мир. Иллюзии ушли. Мир надо было воспринимать таким, каков он есть. И не только потому, что танки раздавили символ. В самом Советском Союзе заметно похолодало. Брежневское руководство решило подморозить страну после Оттепели. Глядя на то, как быстро события в Праге продвинулись от намерений элиты подкорректировать экономическую систему к всеобщим призывам демократизировать тоталитарный строй, советские лидеры решили, что проще будет остановиться на месте. Анекдот брежневской эпохи довольно четко отразил трансформацию намерений власти.

Двигается поезд. Как в революционной песне: «наш паровоз вперед летит, в коммуне остановка...». До коммуны, впрочем, не доехали. Остановиться пришлось раньше: кончились рельсы. Из первого вагона вышел Ленин, взялся за бревно: организуем субботник, товарищи, все на строительство трассы!

Построили путь, двинулись дальше. Через некоторое время опять встали по той же причине. Вышел Сталин, подозвал охрану: машиниста немедленно расстрелять, помощника сделать машинистом. Тот сотворил невозможное. Каким-то чудом рельсы со шпалами образовались, поезд вновь двинулся в путь.

Следующий кризис разрешать довелось Хрущеву. Никита Сергеич забегал, засуетился: разбираем пути сзади, переносим вперед. Худо-бедно опять поехали.

И вот, наконец, Брежнев. Не спеша вышел из вагона, поглядел вокруг, оценил масштабы бедствия... И снова к себе в купе: закрыли двери, товарищи, задернули шторы, дружно раскачиваем вагон — делаем вид, что мы едем.

В 70-е всем стало ясно, что мы лишь делаем вид, будто едем. При Хрущеве была принята Программа КПСС, где говорилось о построении материально-технической базы коммунизма к началу 80-х. При Брежневе мы быстро приближались к началу 80-х, понимая, что до коммунизма нам — как до иных планет. Перспектив никаких, но жить-то надо. И люди жили, подменяя былые мечты о светлом будущем прагматичным усовершенствованием настоящего. Настолько, насколько это позволялось в рамках тех правил игры, что были заданы советской системой.

Старшие поколения приспосабливались, адаптируя свои представления о жизни к реалиям брежневской эпохи. «В 70-е годы ни один действительно думающий человек не вступал в партию по велению совести, по желанию “труда со всеми сообща”, с надеждой изменить что-то в обществе», — отмечает прекрасно знающая эти поколения Мариэтта Чудакова [Шестидесятники, с. 29].

Молодые же не столько приспосабливались, сколько изначально формировали свое сознание в условиях, когда поезд стоит на месте, но все делают вид, будто едут. Так получились семидесятнугые. Не верящие в коммунизм, не знающие великой мечты, не слишком надеющиеся пережить брежневскую систему и даже особо не размышляющие о том, придет ли этой системе конец. Но зато весьма практичные, стремящиеся извлечь максимум возможного из того, что есть, поскольку бессмысленно откладывать жизнь на потом. «Потом» будет такое же, как «сейчас».

Первым, пожалуй, понял это Анатолий Черняев из международного отдела ЦК. Вот его дневниковая запись 1973 года: «молодежь прагматична, деловита. Готовит из себя специалистов <...> работают и живут, ни о чем не думая. <...> И, пожалуй, не молодежь сейчас — “носитель потребности в идеях”. Скорее, “поколение комбатов”, людей, вышедших из войны и торопящихся сделать все, что могут, чтобы не допустить <...> утечки духовности» [Черняев, с. 46].

Я бы, пожалуй, не стал говорить о бездуховности семидесятнугых. Скорее надо сказать, что даже духовность этого поколения оказалась деловитой. Вот пример.

В Ленинграде имелось знаменитое кафе с неформальным прозвищем «Сайгон», где тусовались шестидесятники, часами ведшие там споры о судьбах отечества. Воспоминаниями о том времени наполнен ныне огромный том. Но есть в нем любопытные странички, написанные игуменом Григорием, которого в миру звали Вадимом Лурье (1962 г. р.). Он прагматично подошел к проблеме духовности, став, в конечном счете, не только священником, но и автором ряда историко-культурных исследований. Еще в 70-х В. Лурье приходил в «Сайгон» с книгами, садился на подоконник и работал. «Биография действительно независимого ученого при советском строе, — отметил игумен, — больше всего зависит вовсе не от успеха борьбы с ненавистными

коммунистами, а от успеха борьбы с любимыми друзьями и собственным желанием проводить время с ними, а не с книгами» [Лурье, с. 422].

Семидесятнугые стали не мечтателями, а профессионалами. Как в хорошем, так и в плохом смысле этого слова. Их творческий порыв, как правило, был приземлен. Они не стремились своротить горы, но тихо копали свой тоннель. От сих до сих. От забора до обеда, как говорилось в одном армейском анекдоте.

Иными словами, семидесятнугые профессионально готовы были делать любую работу, если она обеспечивала выживание. «Нас возвышающий обман» легко уступал место низким истинам. Зато это поколение не зарывалось в своем энтузиазме. Когда задачи оказывались реальными, семидесятнугые не трепались о высоком, а делали дело. Пусть малое, скромное и локальное... Но это было дело.

Зачем есть шелупайку?

Летом 1962 года Никита Хрущев пошел в народ. Или, вернее, поехал. Решил навестить свое родное село. А по дороге остановился в полях и стал беседовать с бабами: как жизнь, что надо?

«Жизнь лучшеет, дома стали строить, — ответил народ. — Но с жестью и шифером трудноато. А еще бы ситчику, да подешевле... А главное, Никита Сергеевич, чтоб войны не было!» [Мамлеев, с. 166].

Через 15 лет, в 1977 году, помощник Брежнева Анатолий Блатов делился с коллегами в ЦК впечатлениями от поездки по Рязанской области. Видел он, как лук там выращивают: бабы ползают в грязи между грядками, а затеешь разговор, бормочут: лишь бы не было войны [Черняев, с. 260].

Еще через три года знаменитый писатель Юрий Нагибин записывает в своем дневнике: «Простые люди знай себе приговаривают: “Лишь бы не было войны”, а так на все согласны. Я думал, вздорожание водки их подхлестнет. Ничуть не бывало: перешли на подогретую бормотуху, плодоягодное, самогонку, добывают забвение из аскорбиновой кислоты, лекарств, политуры, пудры, каких-то ядов. Аполитичность полная. Всем на все насрать» [Нагибин, с. 470].

Эти три взятых «навскидку» впечатления вполне вписываются в картину советского общества хрущевско-брежневских времен. В мае 1960 года социологи пытались получить у граждан ответ на вопрос: удастся ли предотвратить новую войну? Вот какой ответ на него дала жительница города Жлобин Анелия Б. — пенсионерка 87 лет: «Я готова есть шелупайку от картошки и сухой хлеб с солью и с водой, только чтобы не было войны». Во время Великой Отечественной фашисты угнали ее в Пинские болота и уничтожили дом,

в котором она жила. Женщина едва осталась жива. А старший сын Анелии погиб в 1941 году [Грушин, с. 75, 81].

Тяжкая судьба оставила след в душе миллионов граждан, переживших войну. На фоне того, что было в первой половине 40-х, любые другие трудности стали казаться не столь уж значительными. При выборе между безопасностью страны и повышением благосостояния поколение Великой Отечественной готово было сделать выбор в пользу первого. «Лишь бы не было войны», — твердили миллионы бабушек. И это их мнение во многом определяло позицию общества, в котором даже молодежь не понаслышке знала о гитлеровской агрессии.

Прагматичные мысли о налаживании повседневной жизни с трудом зарождались в такой атмосфере. Все проблемы бытовой неустроенности измерялись на «военных весах». Вот слова Екатерины К. (псаломщицы в церкви, 73 лет): «Я одинокая женщина, и то топор под кроватью держу, кто соберется обидеть. А государству и подавно надо иметь, чем защитить народ. Тогда и не полезут — побоятся». К. — из Старой Руссы. Фашисты бомбежками снесли город начисто. Женщина жила под открытым небом в окопах. Питалась чем попало, не мылась и даже не раздевалась, зимой замерзала [Грушин, с. 78–79]. Люди, пережившие такое, готовы были не поскупились на «топор для своего государства».

Накопившаяся ненависть к фашизму полностью переносилась на капиталистическую систему. Западная Германия выглядела в глазах советских граждан чуть ли не преемником гитлеровской. Сильна была ненависть к немцам как к народу. Я помню, в детстве услышал от одной пожилой женщины жесткие слова о немцах. На мое возражение, что не все они нацисты, старушка ответила: «Все».

Было ли это случайностью? Вот еще одно мнение. Говорит А-ва, рабочая-вязальщица 54 лет из Великих Лук, в прошлом партизанка, лишившаяся дома, который сожгли немцы: «...главного гитлеровского выродка Аденауэра задушила бы своими руками. Как только земля его держит!» [Грушин, с. 79].

На самом деле именно за годы правления Конрада Аденауэра нацизм был фактически искоренен, и Западная Германия превратилась в демократическую страну. Однако советские граждане этого не знали и знать не желали.

Любые реформы, способные принести на советскую землю элементы западного опыта — рынок, демократию, открытость миру, — при таком менталитете были обречены. Минувшая война жестко противопоставила две социальных системы: социализм защищал советских людей, тогда как капитализм наступал на них. Победа СССР продемонстрировала преимущества социализма, и военное поколение в целом вряд ли готово было отказаться от этой уже сложившейся картины мира.

Но в дальнейшем, по мере того как менялись поколения, начали меняться и взгляды общества. Память о войне стала сочетаться с потребностью лучше

питаться, лучше отдыхать, иметь нормальное жилье, машину, холодильник, телевизор. У новых поколений исчез страх, и люди перестали демонстрировать полную готовность все отдать государству для защиты родины. В глазах тех, кто не помнил войну, вопрос об устройстве быта стал выглядеть более актуальным, нежели у тех, кто сражался с гитлеровцами.

Впрочем, разрыв, внесенный в жизнь народа войной, был не единственной причиной разрыва поколений. Большое значение имело восприятие коммунистических ценностей и сохранение надежд на то, что социализм в каком-либо трансформированном виде сможет продемонстрировать свое превосходство над капитализмом. Развенчание культа личности Сталина в 1956 году создало представление о том, что в деле строительства коммунизма открываются новые возможности. Не только военное поколение, но и поколение шестидесятников оказалось всерьез увлечено этой перспективой.

Трудно оценить сегодня, насколько серьезно идея коммунистического строительства захватывала людей в 60-е годы. Дело не только в скудости социологических данных. Трудно представить, чтобы граждане СССР вообще могли демонстрировать несогласие с официальной идеологией. И все же, думается, в том пафосе, который ощущается у некоторых респондентов, было много искренности.

Вот, например, что написал социологам электрослесарь из Луганской области в ходе опроса молодежи, проведенного в 1961 году: «Победа близка! Уже в этом году мы фактически наступили на пятки США в производстве стали... Хочу быть председателем Всемирной Коммунистической Республики. Председатель — это, конечно, шутка. Главное же — Всемирная Коммунистическая Республика, которая откроет человечеству эру счастья и невиданных возможностей [Грушин, с. 220].

Наверное, немногие граждане были столь же восторженны, но если большинство хоть в какой-то степени разделяло представления о том, что мы догоняем США, то ни о каком заимствовании западного опыта, ни о каком прагматизме в осуществлении преобразований говорить не приходилось. Советские люди продолжали надеяться на то, что рано или поздно тем или иным путем удастся добиться всеобщего материального благополучия без таких рыночных элементов, как конкуренция, безработица, эксплуатация и т. д.

США и ФРГ не выглядели в глазах молодежи такими же монстрами, как в глазах военного поколения, однако у шестидесятников по-прежнему в ходу были представления, будто с Запада к нам идут разного рода пороки. Так, например, в ходе уже упомянутого выше опроса советской молодежи подражание западной моде и стилижничество заняли среди отмечаемых респондентами недостатков второе место (16,6 %) после пьянства — «греха» вполне традиционного для нашей страны и мало зависящего от характера эпохи [Грушин, с. 180].

Лишь в поколении семидесятнугых старые коммунистические иллюзии стали по-настоящему отмирать. Взгляд советских людей на социализм становился более трезвым и печальным, тогда как представления о капитализме, напротив, у многих становились несколько идеалистическими, приукрашенными. В этой новой ситуации стало возможно формирование рыночного, потребительского менталитета. В этой новой ситуации даже язык и ментальные категории стали чрезвычайно сильно трансформироваться.

Любопытно в этой связи сравнить биографии Владимира Путина и Эдуарда Лимонова. Не только потому, что они стали антагонистами в политике, а еще и потому, что их юность была чрезвычайно похожа. Оба были неблагополучными подростками. Оба откровенно называли себя шпаной. Оба росли во дворе: один — в питерском, другой — в харьковском. Но Лимонов на девять лет старше. Он формировался как явный шестидесятник, а Путин вырос в эпоху прагматизма.

И вот результат. Лимонов в конце 50-х полагает, что «в Советском Союзе должна быть диктатура шпаны, а не пролетариата. Ведь шпана по праву куда более развитая, ловкая и умная, чем пролетариат». Подросток Савенко (такова настоящая фамилия писателя) не просто мечтает о власти. Он мыслит в категориях марксизма (пусть самых примитивных). Свои революционные идеи мечтатель обосновывает ссылкой на революционную историю страны. На то, что «у большевиков и Ленина тоже была совсем маленькая банда в 1917 году. Однако они взяли власть» [Лимонов, с. 272]. И недаром, в конечном счете, созданную им партию Лимонов называет национал-большевистской. Этот партайгеноссе весь еще живет в рамках старой советской традиции.

У Путина никакой подобной философии нет. Он не фантазирует в юности насчет власти шпаны. Он взрослеет, умнеет и, наконец, выбивается из шпаны в чекисты, при том, что папа-чекист был как раз не у него, а у Лимонова.

Путин пытается добиться того, что можно в конкретных условиях. Но в конечном счете, когда условия меняются, он приходит к власти и приводит с собой свою группировку — людей, бесспорно, более развитых, умных и ловких, чем пролетариат. Ярких представителей поколения семидесятнугых.

Еще один любопытный пример — два брата Чубайсы, Игорь (1947 г. р.) и Анатолий (1955 г. р.). Старший сформировался в период Оттепели, младший — уже после подавления Пражской весны. Игорь активно протестовал в 1968 году. Он прошелся с чешским флажком по Одессе, а вернувшись в Ленинград, повесил стенгазету с осуждением оккупации. Это могло кончиться исключением из комсомола и университета. Замяли дело с трудом, но вскоре Чубайс-старший уже донимал каверзными вопросами заезжего лектора [Колесников 2008, с. 33]. По сей день Игорь Борисович остается примером жесткой оппозиционности.

Анатолий Борисович, в отличие от него, — пример прагматизма. Он в своей жизни сосредоточился не на демонстрации протеста, а на практическом осуществлении реформ. Чубайс-младший всегда готов к заключению компромиссных соглашений ради реализации поставленных целей и встраивается даже в ту систему, которая в целом противоречит его убеждениям. Крохотный шанс на практический успех ему важнее пышной декларации взглядов.

Нельзя сказать, что убеждения для семидесятнутах не важны, что они абсолютно беспринципны и готовы ради практической выгоды адаптироваться к любой системе. Такой подход был бы сильным упрощением. Скорее можно сказать, что для этого поколения не слишком важна публичная фиксация своих взглядов.

Кстати, по этой причине, наверное, у нас до сих пор крайне мало исследований о семидесятнутах. Поколение, захватившее в России все политические и хозяйственные высоты, мало размышляет о самом себе. Чуть ли не единственное исключение — книга Андрея Колесникова «Попытка словаря. Семидесятые и ранее» [Колесников 2010].

Шестидесятник много внимания уделял слову, поскольку формировался в эпоху, когда идеология еще способна была убеждать массы, а, значит, публичное выражение взглядов являлось сильным оружием. Семидесятнута же привержен скорее политехнологиям, чем прямому и искреннему общению с массами. Поставленных целей он будет добиваться не словом, а делом, и собственные взгляды засунет в карман до поры до времени. Причем если время достать их оттуда так и не настанет, семидесятнута сию проблему худо-бедно переживет.

Двубровый орел

В июне 1979 года на переговорах Брежнева с президентом США имел место кошмарный случай, который при неблагоприятном стечении обстоятельств мог бы, наверно, перевернуть весь ход советской истории. Во время встречи с Джимми Картером Леонид Ильич чудом остался жив.

Нет-нет, на Брежнева не покушались коварные агенты ЦРУ. И вообще, никто лично не хотел ему зла. Советский лидер чуть-чуть не погубил себя сам во время торжественного приема. В бокале у него плескалось виски со льдом, но тяжелобольной и туго соображавший Брежнев решил, по видимому, что там — привычная водочка. И «хлопнул рюмашку» залпом. В итоге кусок льда застрял у него в горле.

К ужасу переводчика Виктора Суходрева, неясно было, как выйти из этой кошмарной ситуации. Генсек отчаянно давился и вот-вот мог совсем задохнуться. Но подбежать и хлопнуть его по спине Суходрев, естественно,

не мог: все происходило на глазах Картера и других американских лидеров [Суходрев, с. 366].

К счастью, лед сам вышел из горла. Брежнев прожил после этого еще три года. А если бы скончался вдруг в 79-м, когда живы были столь влиятельные фигуры, как Косыгин и Сулов, вряд ли следующим советским лидером стал бы Андропов. Более того, возможно, при новом генсеке Андропов вообще был бы от власти оттеснен и не смог бы, соответственно, возвысить своего протеже Михаила Горбачева. Не было бы, глядишь, тогда горбачевской перестройки...

Впрочем, не будем сейчас фантазировать, как мог бы развиваться тогда ход событий. Для реальной истории важно следующее: весь мир увидел, что во главе СССР стоит больной человек, не способный даже о себе самом позаботиться. Не то что о стране. Случай с кусочком льда был самым драматичным, но всего лишь одним из многих имевших место на глазах у Картера.

Зачитать речь по заранее заготовленной спичрайтерами бумажке Брежнев обычно мог. Но в ходе переговоров приходилось ведь не только излагать выработанную советскими дипломатами позицию, но еще и реагировать на позицию другой стороны. Для того чтобы не выглядеть совсем уж позорно, советская сторона подготовила десяток листков с возможными вариантами ответов. Листки эти держал при себе Суходрев и выдавал Брежневу в соответствии с реакцией Картера. Генсек в такой ситуации фактически просто продолжал зачитывать чужой текст, не утруждая свою больную голову размышлениями.

Конечно, когда все это происходило на глазах у американцев, маразматическое состояние Брежнева было секретом полишинеля. Но самым страшным оказалось то, что Леонид Ильич не смог даже сымитировать свою дееспособность. При ответе на один из вопросов потребовалось зачитать лишь часть заготовленного материала. Переводчик быстро сориентировался и вычеркнул лишнее. Но для несчастного главы советского государства эта комбинация оказалась слишком сложной. Прочтя вслух положенное, он вдруг на глазах у Картера спросил Суходрева: «А что, вторую половину не надо читать?» [Суходрев, с. 361].

Как-то раз советские министры Андрей Громыко и Дмитрий Устинов поспорили о том, расцелуются ли Картер с Брежневым [Громыко, с. 315]. Те и впрямь расцеловались, но Леонид Ильич в этом акте миролюбия оказался пассивной стороной. Он не ждал от Картера подобной активности и постфактум просил переводчика «утвердить» свой сомнительный поступок: «Витя, а ничего, что я с Картером расцеловался? Но ведь это он первый...» [Суходрев, с. 371].

Президент США прекрасно видел, что происходит. Картер не пытался использовать убогость партнера по переговорам в своих целях и не подчеркивал немощь Брежнева при общении с падкой на сенсации прессой, но иногда мог

позволить себе сыронизировать. Прощаясь с Суходревым после завершения переговоров, он добродушно сказал: «Виктор, приезжайте снова к нам в Штаты и привозите своего президента» [Суходрев, с. 371].

Репутация СССР на мировой арене упала — ниже некуда. Понятно, что Советского Союза боялись, как бояться сумасшедшего, обладающего оружием. Кто знает, куда могут люди, возглавляемые старым большим человеком, внезапно «зафитилить» ракетами с ядерными боеголовками. Но уважения к власти, символизируемой Брежневым, ни на Западе, ни даже на Юге, естественно, не было. Не было, собственно говоря, даже возможности вести с этой властью какие-то серьезные дела. Откровеннее всего на этот счет высказался египетский президент Анвар Садат. «С советскими лидерами, — отметил он в 1975 году, — невозможно иметь дело, они отдыхают по три месяца в Крыму, а потом еще полтора месяца отдыхают от отдыха». «Беда, что это, увы, правда», — записал в своем дневнике хорошо знавший ситуацию А. Черняев [Черняев, с. 167].

Другие советские лидеры были ненамного лучше Брежнева по своему состоянию, а некоторые даже хуже. Вот запись Черняева, сделанная в январе 1977 года. Заседание политбюро проводится в половинном составе: «Громыко хватил инфаркт, Андропов болеет уже два месяца. Мазуров вышел, но не тянет. Подгорный опять слег. У Черненко осложнение на легкие после гриппа. Капитонов вчера попал в больницу. Сулов все-таки основательно заболел, хотя крепился несколько недель. Соломенцев тоже давно болен» [Черняев, с. 262].

Простые советские люди, в том числе подраставшие семидесятнугые, не знали всех этих деталей, поскольку никто им о реальном состоянии здоровья правителей не сообщал. Однако достаточно было взглянуть на лица старых убогих людей, с трудом выстаивавших по праздникам свою «вахту» на трибуне Мавзолея, как в общих чертах все становилось ясно. А относительно Брежнева, который порой еще вынужден был прилюдно выступать, уж точно не имелось особых секретов. Тем, кто смотрел телевизор на рубеже 70-х — 80-х, престарелый генсек ЦК КПСС запомнился в основном ужасной дикцией, вызванной болезнями, и сильно разросшимися бровями. Последняя деталь даже нашла отражение в коротком анекдоте: появился, мол, новый герб СССР — двубровый орел.

Вносить речи Брежнева телезрителям было тяжело. Один глубоко верующий баптист в беседе с друзьями, которых намеревался обратить в истинную веру, нарисовал такую картину: «Хорошие вы ребята, а вот неверующие, в ад попадете. А в аду никаких сковородок — только газета “Правда” и телевизор, по которому все время Брежнев выступает, и ни кофе, ни чаю» [Ронкин, с. 259].

Большой Леонид Ильич утратил всю свою былую живость. Он с удивительным занудством читал по бумажке бессодержательные тексты и при

этом сам не всегда понимал, о чем идет речь. Шутники острили, что при открытии Московской олимпиады генсек начал свою речь так: «О ОООО», и только потом выяснил, что текст начинается со следующей страницы, а то были олимпийские кольца.

Примерно с середины 70-х годов Брежнев был уже не в ладах с собственным сознанием из-за настоящего букета тяжелых болезней. Об этом подробно рассказывает в своих мемуарах кремлевский врач Евгений Чазов. Он полагает, что некая медсестра Н., которую больной Брежнев почему-то особенно сильно любил, оказывала на положение дел в стране столь сильное воздействие, что стала одной из важнейших причин развала советской системы. Скорее всего, врач все же преувеличивает роль «скромной» медсестры в мировой истории, однако то, что на несчастного, плохо соображавшего Брежнева мог повлиять любой человек, имевший к нему доступ, трудно оспаривать. По свидетельству того же кремлевского врача, в конце 70-х годов один из советников генерального секретаря мотивировал свой выход из аналитической группы тем, что «не может работать, если внешнюю политику определяет Галя Дорошина». Эта мало кому известная женщина привозила Брежневу на дачу документы из ЦК КПСС и пальцем показывала бедолаге, где следует поставить подпись. Конечно, строго говоря, она не определяла внешнюю политику страны, однако, как ни печально это констатировать, глава ядерной сверхдержавы подписывал лишь то, на что указывал ее палец [Чазов, с. 88, 117].

По свидетельству сотрудника ЦК Вадима Печенева, Г. Дорошина была для Брежнева чем-то вроде няньки. «Она порой “переводила” ему сказанное (с русского на русский) на “читках” (либо на просмотрах кинофильмов) — видимо, он плохо слышал иногда, хотя все читали тексты громкими голосами» [Печенев, с. 34].

Пятилетку первой половины 80-х советские остряки в самом ее начале прозвали пятилеткой похорон правительства. И они не ошиблись в этом печальном прогнозе. Немощные геронтократы уходили из жизни один за другим. Косыгин... Сулов... Брежнев... Устинов... Андропов... Черненко...

Болезни каждого лидера власть пыталась маскировать, но делала это весьма неумело. К примеру, когда умирал Андропов, сменивший Брежнева на посту генсека, советская пропаганда долгое время опровергала слухи о его смертельной болезни и твердила всего лишь о простуде престарелого вождя. Но ни Запад, ни Россию обмануть подобным образом не удавалось.

К примеру, советский черный юмор породил тогда такой анекдот. Сыну Андропова направлена телеграмма: «Срочно приезжай. Твой отец окончательно простыл». А французская газета «Фигаро» за месяц до кончины генсека опубликовала «кощунственную карикатуру, изображавшую brave генерала, который, приставив микрофон к открытой могиле, говорит, обращаясь к журналистам: “Товарищ Андропов будет счастлив лично опровергнуть эти сплетни”» [Андреотти, с. 193, 195].

Конец Брежнева был весьма символичным. Однажды, когда престарелый и еле передвигавший ноги генсек посещал завод, производящий космические корабли, на него упал помост с людьми, забравшимися туда взглянуть на явление вождя народу [Млечин, с. 511]. Брежнев тогда выжил каким-то чудом. Отделался ободранным ухом и переломом ключицы. Но через полгода (в ноябре 1982-го) все же скончался. Возможно, полученный на заводе шок ускорил его кончину.

Символичная получилась история. Ракеты наша экономика делать могла, но соорудить приличную деревянную площадку оказалась не способна даже к визиту партийного лидера страны.

Семидесятнугые этой истории не знали, но в целом все прекрасно видели. Геронтократический эпилог печальной повести о построении коммунизма в СССР серьезно повлиял на традиционный российский конфликт общества и власти. К началу 80-х он достиг, наверное, не меньшего накала, чем при последних днях династии Романовых, отягощенных распутинщиной.

Новому поколению, формировавшемуся в брежневские годы, трудно было идентифицировать себя со страной, возглавляемой смешными и жалкими вождями. Естественное для эпохи национализма чувство, что мы — один народ, одна судьба, одна команда, у поколения семидесятнугых было явно ослаблено. Скорее имела место поколенческая идентификация «детей» в противостоянии с «отцами» и «дедами». Противостоянии, пожалуй, более сильном, чем у шестидесятников, и явно более сильном, чем у «детей» путинской эпохи.

Конечно, как в любом поколении, кто-то из молодых людей по природе своей больше любил родину, кто-то — меньше, но в целом патриотизм для семидесятнугых был явно не доминирующим чувством. И это накладывалось на такие свойственные данному поколению черты, как прагматизм, профессионализм, неверие в высокие слова и стремление к краткосрочным, быстро достижимым целям.

Не жжет позор за мелочное прошлое

Как-то раз московских студентов 70-х годов вывели на улицы демонстрировать дружбу приехавшему в СССР президенту Сирии Хафезу Асаду. Но с демонстрацией ничего не вышло, поскольку семидесятнугые прагматично попрытались от снега в подъездах и в метро. «Асад им до лампочки», — констатировал А. Черняев [Черняев, с. 94]. Революционный интернационализм недавнего прошлого полностью канул в Лету, уступив место заботам текущего дня.

Прагматизм семидесятнугых хорошо описала актриса Елена Проклова (1953 г. р.). «Я человек земной, — отметила она в мемуарах. — Не в смысле приземленности, а — как бы точно сказать? — трезвый, что ли, мне необ-

ходим резон. Я понимаю так распределение своих сил: в первую очередь я должна сделать все для своих близких и себя <...> Дальше есть несколько друзей <...> Остальное — по-разному, уже как и насколько хватает сил, желания. Иногда это бывают товарищи, работа, иногда совсем посторонние люди, благотворительность <...> Если хватает сил на большее, то это гиганты, люди избранные какие-то» [Проклова, с. 10].

Слова простые. Наверняка во всех поколениях люди действовали в соответствии с подобным житейским подходом. Лишь «гигантам» удавалось раньше думать о родине, а потом о себе. Но рационализм других поколений часто был заслонен завесой из слов, которые следовало произносить согласно церемониалу. Признаться в том, что живешь для себя, значило сознательно себя приземлить, дегероизировать, превратить в унылого обывателя. Вряд ли публичное признание подобного рода способствовало бы карьере актрисы 50-х годов. А «земная» Проклова откровенно фиксирует это свое качество. Она понимает, что трезвость и рационализм теперь — не недостаток, а достоинство. Семидесятнугые ее хорошо поймут, поскольку сами в основной массе именно такие.

Вот еще характерный отрывок из Прокловой. «Во времена Великой Французской революции жил человек. И кто-то там спросил его: “Что ты делал, когда Робеспьер рубил головы, а Дантон произносил речи?” На что человек спокойно ответил: “Я жил”. По-моему, он был совершенно прав. Жизнь дается нам один раз, но ее можно и нужно прожить. Сама по себе жизнь — это главное» [Проклова, с. 192].

Здесь есть яркий антиреволюционный пафос. Причем содержится он не только в том, как Проклова одобряет выживание обывателя. Слова о жизни как самоцели противопоставлены словам писателя Николая Островского, которые вдальбивали учителя в каждого школьника 70-х: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главному в мире: борьбе за освобождение человечества» [Островский, с. 242].

В трактовке семидесятнугых жизнь тоже дается один лишь раз, но она уже не предназначена ни для борьбы за освобождение человечества, ни для достижения каких-то иных глобальных целей. «Я не рассчитываю никого перевоспитать, наставить на путь истинный», — заметил как-то культовый музыкант Виктор Цой (1962 г. р.), который в принципе имел возможность влиять на тысячи фанатов [цит. по: Житинский, с. 461]. «Я не знаю ни одной цели, ради которой готов был бы биться головой о стенку», — откликается ровесник Цоя из документального фильма «Легко ли быть молодым?» (1985), нарисовавшего портрет поколения. А другой герой фильма уточняет: «Моя цель — жить спокойно» [Травина, Травин, с. 165–166].

«Мелочное» прошлое выходит теперь на первый план, а вопрос о стыде и позоре переносится на задачи сиюминутные. Стыдно не добиться в жизни успеха, позорно не иметь солидного дохода, мучительно больно оказаться не в состоянии прокормить семью и т. д. Причем как стыд, так и позор вряд ли становятся чувствами, определяющими экзистенциальное состояние человека, поскольку «горе длится ровно столько, сколько мы позволяем себе его длиться» [Проклова, с. 23]. Иначе говоря, все поправимо. Если ты неудачник, утраченное самоудовлетворение вполне можно вернуть упорным трудом и пересмотром неправильных взглядов на жизнь.

Семидесятнугый не стесняется признаться в том, что работает ради денег. Артист Андрей Краско (1957 г. р.) отмечал: «В выборе ролей у меня нет никакого принципа, я деньги зарабатываю <...> Хочу, например, дом построить» [Краско, с. 186]. Такой подход не снимает, правда, надежды на большой творческий успех, на великую роль. Однако успех этот в данном поколении редко становится целью, доминирующей над сиюминутной выгодой.

Отказ от глобальных целей ради себя и своих близких естественным образом выводит семидесятнугых в разряд конформистов. Стремиться к великому можно и нужно. Но нет столь великой задачи, ради которой человек этого поколения стал бы сознательно разрушать себя и свой тесный мирок. В представлениях семидесятнугого о жизни всегда есть место для отступления. Даже такой сравнительно радикальный политик, как Борис Немцов (1959 г. р.), отмечал, что конформизм с его точки зрения «не является отрицательным качеством жизни. Скорее это свойство уравновешенного общества. Общества, в котором революционные перемены не воспринимаются как благо» [Немцов, с. 64].

Итак, прагматизм, конформизм, профессионализм, невосприятие великих идей, невосприятие больших надежд прошлого, невосприятие марксистических лидеров брежневской эпохи, невосприятиестраны, скомпрометированной этими лидерами... Многое определило черты поколения. Многое определило межпоколенческий разрыв, лишивший семидесятнугых корней, прораставших в ушедшие эпохи. Но стоит отметить, наверное, и то, что межпоколенческий разрыв не был бы у семидесятнугых столь сильным, если бы не готовился заранее на протяжении многих десятилетий предшествующими поколениями. Они в известной мере отрицали свое прошлое и натолкнулись в такой же мере на отрицание самих себя.

Чтоб разобраться в этом, возьму для примера собственную семью. Мой прапрадед был солидным купцом, торговавшим такой экзотической штучкой, как корсетные изделия. У него было два магазина в Санкт-Петербурге.

Один — на Екатерининском канале (позднее переименованном в канал Грибоедова). От того здания остался сегодня лишь фасад. Точнее, его имитация. В советское время на месте, где был дом с магазином, разместили Центральные железнодорожные кассы — огромный холл размером примерно с

футбольное поле. Шум, суета, очереди — никаких тебе корсетных изделий.

Второй магазин был на Караванной. Тот дом сохранился неплохо. С советских времен на первом этаже размещаются кафе или рестораны. Зайдешь — выпьешь, помянешь ушедший мир корсетных изделий.

Сегодня можно гордиться столь старым купеческим прошлым своей семьей. И я «типа, горжусь», как говорили недавно люди, корней не имеющие. Но именно что «типа». И в этом — серьезная проблема.

От прапрадеда осталось одно лишь фото 1902 года. Солидный джентльмен лет шестидесяти. С жестким взглядом. В пенсне. Paterfamilias. По бокам сын с невесткой и два внука — Лева и Гриша. Лева постарше, ему восемь. Самостоятельный. Стоит меж дедом и отцом. Грише лишь семь. Домашний мальчик. Прижался к коленям матери. Вот и все мое «купецкое» прошлое. Ни вещей не осталось, ни денег, ни обесцененных временем ценных бумаг, которые можно было бы доставать из старого сундука и вяло перебирать, лелея ностальгические чувства. Даже сундука, увы, не осталось. Жесточайший разрыв эпох, разрыв поколений.

Понятно: революция, уплотнение, квартирный вопрос, «мы наш, мы новый мир построим...», смерть Кирова, массовые репрессии (слава богу, моей семье они не коснулись), затем война, блокада, голод, холод, мебель и книги — в топку, эвакуация (для бабушки Левы), фронт (для дяди Гриши), возвращение, снова квартирный вопрос... Какие уж там артефакты эпохи!

И все же дело, пожалуй, не только в этом. С прапрадеда в нашей семье началась модернизация. Началась, как ей и положено было в российских условиях, ближе к концу XIX столетия. На волне роста экономики, обусловленного либерализацией и отменой крепостного права. Прапрадед выбрался в столицу откуда-то из-под Слуцка. Разбогател. По всей видимости, он еще сочетал традиционный образ жизни предпринимателя с новой столичной формой существования. Сшибал деньги, но выглядел, как барин. А сына отдал в Технологический институт.

Как-то в одной из американских книг о модернизации я прочел посвящение автора своей матери (очевидно, местечковой еврейке, перебравшейся в юности за океан) — той, которая «модернизировалась с достоинством и честью!». Прекрасные слова. Мне все время хочется обратить их на своего прапрадеда. Достоинство и честь сквозят во всем его фотографическом облике. А ведь в молодости, небось, бегал без штанов, цепляясь за каждую вырванную у трудной жизни копейку.

Сын его, мой прадед, от бизнеса отказался, стал чиновником. Незадолго до революции приобрел доходный дом на Крестовском. Представляю, сколько сейчас там стоит недвижимость! Парки, река, острова — элитный район Питера. Прошла бы в стране реституция — жить бы мне в Куршавеле безвылазно. Впрочем, вру. Документов-то на недвижимость все равно в семье никаких не сохранилось.

Важно другое. Похоже, семья уже тогда стремилась сознательно отказаться от местечкового прошлого. Забыть про «купецкие» корни. Сделать исходной точкой своего взлета не дальнюю глубинку, а блистательный Санкт-Петербург.

Дальше — больше. При большевистском режиме «предка-эксплуататора» тем более не хотелось вспоминать. Разрыв поколений стал не просто семейным выбором. Он оказался самой рациональной формой существования. Более того, с позиций иррациональных, с позиций великой мечты и светлого будущего, вспоминать про торговлю корсетными изделиями тоже было как то не *comme il faut*. Вот если б прапрадед был революционером! Если б метнул бомбу в царя на Екатерининском канале вместо того, чтобы держать там неподалеку магазинчик!

Дедушку Леву и дядю Гришу я расспросить о наших истоках не успел. По дурусти и малолетству. А как заинтересовался прошлым и стал говорить с отцом, выяснилось, что он уже ничего об этом не знает. Его родители были простыми учителями, народной интеллигенцией. Своеобразной «прослойкой» между рабочим классом и трудовым крестьянством, как утверждали марксистские учебники. В общем, мой папа обладал нормальным социальным происхождением. С одной стороны, благополучные родители — не из бараков, не с заводских окраин. С другой — не нэпманы, не враги народа, не ренегаты, не уклонисты, не ревизионисты. Жить можно. И можно получать образование. Можно существовать в системе совсем иных ценностей, чем те, что принес с собой в Петербург мой прапрадед. Корсетное прошлое в системе новых ценностей уже не вписывалось никоим образом.

Разрыв поколений оформился окончательно. В некоторых семьях бумаги прошлого уничтожались сознательно, если вдруг случайно обнаруживались в укромных уголках квартир и домов [Рыбаков, с. 6]. Новый мир строился с чистого листа. А когда выяснилось, что этот новый мир не вполне задался, связи с прошлым уже оказались утеряны. «Чистый лист» можно было скомкать, что, в общем, и сделали семидесятнугые. Но обнаружить в архивах «лист, фиксировавший историю рода», увы, не удалось. Так стартовало в жизнь мое поколение.

А вот еще одна точка разрыва поколений. Дядя Гриша, временами показывавший мне коробочку со своими орденами, о войне не заговаривал никогда. Сейчас я понимаю, насколько это было странно. В эпоху безудержного патриотизма, когда ветераны непрерывно ходили по школам с рассказами о доблестях, о подвигах, о славе, мой милый дядя, любивший и баловавший меня постоянно, военной темы упорно избегал.

Сам я его не расспрашивал. Для осмысленной беседы был еще слишком мал. Хотя сейчас в общих чертах ситуацию понимаю. О чем мог говорить с ребенком бывший начальник военного госпиталя, майор медицинской службы в отставке? «О доблестях, о подвигах, о славе», или об обезображенных трупах,

отрезанных ногах и вываливающихся из живота кишках? Про то, что всю войну видел дядя Гриша, я понял лишь много лет спустя, прочтя один абзац из фронтовых дневников Ю. Нагибина, увидевшего сгоревших на танке разведчиков: «У одного вместо лица страшная кровавая каша, торчат окровавленные мослы, у второго сорван череп и вырван весь мозг, и кожа с темени завернулась, как пергамент, на лоб, третий лежал кверху задницей. Штаны сгорели. Задница голая, вошенная и завиток кала. Распухшая мошонка» [Нагибин, с. 43].

Навязываемый школой ура-патриотизм вызывал отторжение у детей 70-х, поскольку шел с того самого верха, где сидела геронтократия — жалкая, немощная, но вся в орденах и медалях. А настоящий, серьезный разговор о том, что пережили отцы и деды, был, увы, невозможен. Война в головах семидесятнугых превращалась, таким образом, в войнушку. Трагедия народа — в бряцание литаврами.

Обратной стороной этого бряцания стала удивительная легкость игр в войну и в солдатики, которым предавались мальчишки-семидесятнугые по всей стране. Врагов косили сотнями, нисколько не увязывая при этом реальную смерть человека и вымышленную. Мой мир и мир дяди Гриши здесь расходились бесповоротно при всей нашей родственной и духовной близости.

Гениальная неудача Сергея Соловьева

Первые попытки описать поколение семидесятнугых появились еще в 70-х — 80-х годах. Тогда, естественно, не было никаких научных исследований о том, что же за «племя младое, незнакомое» поднимается со школьной скамьи. Зато кинематограф сделал фильмы о молодежи одним из приоритетных своих направлений.

Смотрел я тогда эти фильмы и весь исходил завистью. Почему мне так не повезло со школой! Есть же места, в которых учатся совершенно иные люди! «Киношные» мальчишки и девчонки, которые, казалось бы, могли сидеть со мной за одной партой, на самом деле были как будто из иного мира. Умные, ироничные, тонко чувствующие. Все, как на подбор, яркие индивидуальности, способные размышлять о проблемах, к которым я тогда лишь робко подбирался.

Киногерои не обязательно были положительными, но все они оказывались героями в истинном смысле этого слова. Они любили и переживали, они оспаривали житейские представления взрослых, они вообще ментально не отличались от взрослых, хотя их созревшая индивидуальность каким-то образом «втискивалась» режиссерами в худенькие, угловатые тела.

Спустя много лет я понял, что эти дети на самом деле действительно были взрослыми. Авторы фильмов совсем не стремились отразить реальную жизнь моего поколения. Они снимали кино о том, каким бы им хотелось это

поколение видеть. Они стремились на экране прожить со своими героями ту яркую, красивую, наполненную высшим смыслом жизнь, которую им самим не удалось прожить в действительности. Они размышляли как родители, пытающиеся воспитать сына так, чтобы тот успехом своим придал смысл неудавшейся жизни папы с мамой.

Словом, шестидесятники, столкнувшись с вызовом советской системы, стремились в кино показать людей, которыми сами стать не смогли. Наверное, не случайно увлечение кинематографа проблемой детства наметилось именно в первой половине 70-х, т. е. сразу же после подавления Пражской весны. Знаковым событием стал уже фильм «Не болит голова у дятла» Динары Асановой (1974).

Киношные ребята не были ментально моими ровесниками, хотя внешне выглядели таковыми. Шестидесятники наделили этих героев всем самым лучшим, что имелось в их поколении, и фактически показали самих себя, только живших по-настоящему. В ряду подобных фильмов стоят «Сто дней после детства» (1975) Сергея Соловьева, где мальчишки спорят о добре и зле с той страстью, которой не могли себе позволить взрослые. Здесь же «Ключ без права передачи» (1976) Динары Асановой, где старшеклассники поют Окуджаву и ведут между собой шестидесятнические разговоры гораздо естественнее, чем сами шестидесятники. Здесь же «Вам и не снилось» (1981) по повести Галины Щербаковой, где парень с девушкой любят друг друга так, как не способны любить люди, озабоченные карьерой и деньгами. Здесь же «Курьер» Карена Шахназарова (1986), где главный герой столь красноречив и ироничен, что слишком очевидно становится: устами мальчишки говорит взрослый — автор фильма.

Вершиной и наиболее ярким образцом подобного подхода к изображению нового поколения стал фильм «Асса» Сергея Соловьева (1987). Это была, наверное, одна из самых гениальных неудач во всей истории советского искусства.

Шестидесятник Соловьев создал фильм, смотрящийся на одном дыхании. Включил в него музыку эпохи — «Кино», «Аквариум», «Браво». Вывел героя отрицательного — мошенника, по возрасту относящегося к числу шестидесятников. Вывел героев положительных — юных ребят из поколения семидесятнутах, живущих своей собственной, насыщенной жизнью на фоне огромного портрета Брежнева, символизирующего уходящую эпоху. Даже общались между собой герои Соловьева на специфическом языке, столь непохожем на язык несвободного общества.

Но вот парадокс. Когда мы смотрим на героев фильма из нашей нынешней эпохи, то видим, что больше всего похож на созревших семидесятнутах именно отрицательный персонаж Крымов, сыгранный С. Говорухиным. Артист, кстати, еще на съемках полагал, что именно его герой — человек завтрашнего дня [Соловьев, с. 365], и в этом оказался прозорливее режиссера.

Нет больше в нашей сегодняшней жизни милых чудачеств юных героев — Бананана и Алики. Музыканты-нонконформисты стали богатыми, преуспевающими людьми, имеющими все то, о чем не смел и мечтать Крымов, для которого номер в дорогой ялтинской гостинице был, наверное, верхом роскоши. Семидесятнугые ездят по всему миру, строят себе хорошие дома, приобретают дорогие, престижные вещи. Причем все крупные капиталы поколения семидесятнугых сделаны с помощью примерно такого бизнеса, каким занимался зловещий Крымов. С той только разницей, что в пореформенный период бизнес этот стал легальным.

Любопытно, что, по сути дела, это признал и Соловьев, снявший спустя много лет продолжение «Ассы», где повзрослевший Бананан торгует семечками и не имеет ничего общего с удивительным мальчиком первого фильма.

Татьяна Друбич — актриса, сыгравшая Алику, — еще на съемках почувствовала, что мир нонконформистов на самом деле совсем не такой, каким кажется, что в нем существуют люди прагматичные, трудоспособные, стремящиеся к успеху, к хорошим деньгам. «Что меня тогда удивило и в Африканце (Сергей Бугаев, сыгравший Бананана — Д. Т.), и в Цое (культурный музыкант — Д. Т.), и в Шутове (художник — Д. Т.) — необычность и экзотичность, с одной стороны, и с другой — совершенно полноценная человеческая адекватность работе, культура общения. Они оказались совершенно не отморозки <...> Всегда казалось, что люди этой породы живут по каким-то придуманным ими для себя законам, правилам, плюют на приличия. Но в тех, кто работал над «Ассой», не было вот этого кислотного алкоголизма. Меня поразила интеллигентность этих людей. Съемки — это тяжело. Это физически тяжело — выдержать полный съемочный день, не опоздать. Наши киношники оказались рядом с ними — шпана шпаной» [цит. по: Барабанов, с. 255, 258].

С иного угла зрения, но фактически о том же самом сказала писатель Авдотья Смирнова, хорошо знающая молодежную среду поколения. «Наше тогдашнее неформальное искусство должно было быть очень благодарно Сергею Александровичу Соловьеву, потому что образом мальчика Бананана он его очень очеловечил. На самом деле режиссер сделал его куда более, так сказать, симпатичным и милым, и обаятельным, и *бескорыстным* (курсив мой — Д. Т.), чем оно было на самом деле» [цит. по: Барабанов, с. 269].

А мама Бориса Гребенщикова — лидера группы «Аквариум» — совсем откровенно отметила: «Благодаря роли в “Ассе” Бугаев (1966 г. р.) выхлопотал комнату или квартиру в Ленинграде. Он умел пристроиться в жизни» [Гребенщикова, с. 145].

Впрочем, что там квартира Африки! Виктор Цой (1962 г. р.) конвертировал успех в гораздо более значительные материальные ценности. К моменту своей трагической гибели в 1990 году музыкант имел 50 тысяч рублей сбережений (при среднемесячной зарплате того времени — 300 рублей). Как-то

раз он откровенно сказал Константину Кинчеву: «Мы сейчас 87 концертов зарядили!». А на недоуменное возражение: «Ты что, все деньги заработать хочешь?» — ответил: «А что? Пока можно зарабатывать — надо зарабатывать» [Житинский, с. 351–352, 435].

Впрочем, не деньги даже являются наиболее ярким примером удивительного жизненного прагматизма музыканта. Еще в начале 80-х он сумел «закосить» от армии, не имея никаких связей ни в военных, ни в медицинских кругах. От самого артиста это потребовало изрядного мужества, а от его супруги Марьяны — силы воли и здорового цинизма. Цой имитировал вскрытие вен и на полтора месяца угодил в известную питерскую психушку, что на Пряжке. Марьяна ходила в военкомат заплаканная и столь хорошо играла роль подруги психа, что офицеры ее же еще и пожалели [Цой, с. 26; Житинский, с. 210–213]. В конце концов «чокнутого корейца» в армию не взяли, что сберегло его для творчества.

Творчество это — при всей его явной противоположности попсе — строилось, тем не менее, на четком понимании характера массового спроса. Цой, отмечает хорошо знавший его Алексей Рыбин (1960 г. р.), «всегда шел за модой и иногда <...> чуть впереди. Он был очень чуткий в этом смысле» [Рыбин, с. 214]. Понятно, что понимание сути рынка оборачивалось массовым успехом и большими деньгами.

Цой был, естественно, не первым, кто получил выгоду от таланта. Очень богатым по советским меркам человеком был, скажем, шестидесятник Владимир Высоцкий, который имел возможность менять дорогие иномарки как перчатки в те годы, когда для простого человека даже «Запорожец» часто был несбыточной мечтой [Раззаков, с. 134, 164, 179–180, 233, 258, 279; Новиков, с. 166]. Высоцкий, однако, не совладал со своей творческой натурой, безудержно пил, а умер от наркотиков.

Семидесятник Андрей Макаревич (1953 г. р.) оказался более прагматичен. В юности он своими стихами глумился над советской пропагандой, но к началу 80-х его группа «Машина времени» сделала шаг из андеграунда на официальную эстраду, стала собирать большие залы, полные стадионы и даже снялась в фильме «Душа» с кумиром конформистской советской эстрады Софией Ротару.

За это «Машина» оказалась осуждена «прогрессивной рокерской ответственностью», однако добилась главного. Макаревичу удалось пройти между Сциллой прямой антисоветчины, которой, по словам Б. Гребенщикова (1953 г. р.), занимались лишь те, кто не мог иным способом привлечь внимания, и Харибдой откровенного попсово-комсомольского конформизма, которым отличались официально санкционированные властью ансамбли. В итоге даже такие песни, как «Я с детства выбрал верный путь», «Битва с дураками» или «Марионетки» были более-менее легализованы, хотя каждый слушатель воспринимал их как «портреты» советских вождей, партийных активистов

и туповатых обывателей [Макаревич, с. 192–201; Житинский, с. 199; Марголис, с. 19, 95, 136; Рыбин, с. 26].

Иногда на «Машину» наезжали, и даже сильно — как, например, в статье «Комсомолки» «Рагу из синей птицы». Но официальный статус в сочетании с неофициальной любовью миллионов (среди которых был, например, молодой А. Чубайс) позволяли отбиваться [Макаревич, с. 207–208; Колесников, с. 46–48].

Макаревич сделал весьма успешную карьеру, как, кстати, и Гребенщиков, и десятки других семидесятнугых, начинавших под чрезвычайно модным на закате СССР лейблом «нонконформизма». Скорее всего, похожая судьба ждала бы и Цоя, если бы не трагическая гибель в автокатастрофе.

Пишется все это, естественно, не для того, чтобы принизить кумиров поколения, а для того, чтобы понять их. Эти ребята не витали в облаках, умели трудиться и умели обращать каждый момент преходящей жизни к своей выгоде. Если не удавалось добиться успеха в творчестве, они весьма прагматично переходили в иные сферы и часто добивались успеха там. Например, Олег Валинский, начинавший в 80-х играть (барабаны, вокал) с Цоем и Рыбиным, к 2009 году занимал пост первого заместителя начальника Октябрьской железной дороги [Житинский, с. 87–101]. Трудно представить себе более приземленную карьеру.

Рыбин сказал о Цое: «Витька не был поклонником так называемой теории “зажженного факела”, основное положение которой сводится к тому, что если у человека есть “божий дар”, так ему и учиться не надо <...> Витька был упорным и в этом плане трудолюбивым человеком» [Рыбин, с. 105]. А вот оценка писателя А. Житинского: «В каждом деле, которым занимался, он находил хоть чуточку кайфа. А кайф состоял в том, чтобы сказать себе: “я умею это делать хорошо”» [Житинский, с. 285]. Наверное, эти слова можно отнести ко многим из поколения Цоя.

Делать дело и иметь деньги

Виктор Цой в одном из своих интервью заметил как-то про фильмы, в которых был запечатлен: «“Рок” (документальная работа Алексея Учителя — *Д. Т.*) — он какой-то немножко сентиментальный, слюнявый: Гребенщиков с детишками и прочее... “Асса” тоже сделана человеком не нашего поколения. “Игла” мне нравится больше... Наглый фильм» [Житинский, с. 458].

Про «Ассу» сказано деликатно, но суть отмечена верно. Семидесятнугые не реализовали мечту, нарисованную Соловьевым под музыку Цоя. Мечта так и осталась мечтой шестидесятников. Жизнь же пошла совсем иным путем, обрисованным, правда, совсем не в «наглой» «Игле» (1988).

У этого фильма есть два достоинства. Во-первых, он снят режиссером из поколения семидесятнугых (Рашид Нугманов, 1954 г. р.). Во-вторых, он затрагивает и впрямь актуальную для позднего СССР проблему наркотиков. Однако в целом романтическая «Игла» представляла, пожалуй, шаг назад даже по сравнению с романтической «Ассой». Это, по сути дела, был американский фильм на советском материале, слепок со стандартной продукции Голливуда. Обаятельный, молчаливый герой-одиночка, одетый во впечатляющие черные цвета и хорошо владеющий приемами восточных единоборств (что особо подходит Цюю с его колоритной внешностью), спасает слабых и борется со злом. Подобным способом можно было поговорить о наркомании, которая, как и кино по-голливудски, тоже представляла собой явление, характерное в первую очередь для Америки. Но о специфических проблемах Советского Союза и поколения семидесятнугых на языке «Иглы» трудно было что-то сказать.

Интереснее в этом смысле взглянуть на «Маленькую Веру» (1988) Василия Пичула (1961 г. р.) — другой культовый фильм эпохи, снятый по сценарию Марии Хмелик (1961 г. р.). Оба автора, что характерно, — из поколения семидесятнугых.

Любопытно, что этот прорыв, о котором в конце 80-х говорили все, сегодня, в отличие от «Ассы» и даже «Иглы», практически забыт. Спрос на красивую мечту в обрамлении культовой музыки сохраняется, даже полностью оторвавшись от эпохи и перестав быть портретом поколения. Кому теперь важно, что в жизни почти не было таких героев «Ассы», как Бананан и Алика. Кому теперь важно, что герой Цюя из «Иглы» — фигура целиком «киношная». Ведь зрителю хочется идентифицироваться с героем. А в «Маленькой Вере» нет образа, который хочется примерить на себя. «Чернуха» этого фильма была интересна лишь в тот момент, когда общество прозревало, узнавая себя на неподцензурном экране эпохи перестройки.

Действие «Маленькой Веры» развивается в южном приморском городке, но не в курортной Ялте «Ассы», а в грязном промышленном центре (съемки велись в Мариуполе, хотя это название в фильме ни разу не звучит). Юные семидесятнугые не крутят высокую любовь на манер Бананана и Алики, а трахаются где придется, без особой романтики. В «Маленькой Вере» нет отелей, ресторанов, роскошных автомобилей, но есть квартирка в новостройке, общага и кабина грузовика, на котором ездит отец главной героини — простой шоферюга.

Как Пичул с Хмелик, так и Соловьев вводят в свой фильм преступление. Крымов убивает Бананана из любви. Алика — Крымова из мести. Любовный треугольник пропитан благородными страстями высшего общества. А отец Веры бьет ее любовника ножом в живот просто потому, что он — пьяная скотина. И еще потому, что молодые семидесятнугые не считаются с ценностями отцов, трахаются без всякой высшей цели и, самое главное, вообще

не желают видеть какие-то цели в своей серой, туповатой жизни, из которой нет никакого выхода.

Примерно так, как в «Маленькой Вере», жило до перестройки три четверти семидесятнугых. Особенно тех, кому не посчастливилось родиться в столицах. И зритель конца 80-х сей факт хорошо понимал, хотя признаваться себе самому в этом ужасе было крайне трудно. А той жизнью, что показана в «Ассе», жило три четверти процента. Из них вышли столь яркие люди, как Цой, но не они определили мировоззрение семидесятнугых и все то, что сделало это поколение в 90-е.

Впрочем, если честно, то не герои «Маленькой Веры» определили итоги трудов поколения. Они были скорее фоном. Они открыли ларьки, занялись челночным бизнесом, стали ездить на отдых в Анталья... Они выжили в катаклизмах эпохи реформ, поскольку в силу своего прагматизма и отсутствия иллюзий оказались более приспособлены к радикальным экономическим переменам, нежели их спившиеся отцы и увязнувшие в домашнем хозяйстве матери. В этом смысле, кстати, игра слов названия фильма оказалась пророческой. Маленькая вера Пичула и Хмелик в жизнеспособность поколения их кинематографической маленькой Веры полностью подтвердилась на практике в 90-е годы.

Но это, повторимся, фон. Крупные капиталы и политические посты стали уделом лишь небольшой, наиболее активной части семидесятнугых. И в этой связи стоит обратить внимание на третий шедевр эпохи — «Дорогая Елена Сергеевна», снятый (1988) Эльдаром Рязановым по пьесе (1980) Людмилы Разумовской.

Этот фильм ныне тоже забыт, поскольку «чернухи» в нем еще больше, чем в «Маленькой Вере». Несколько старшеклассников приходят в гости к учительнице, чтоб уговорить ее посодействовать в фальсификации уже написанной выпускной работы. Они хотят хорошо жить и не понимают, почему из-за какой-то математики должна рушиться их карьера.

Юная героиня Ляля откровенно разясняет «дорогой Елене Сергеевне» свою позицию: «Вы, конечно, видите лица наших женщин, лица, на которые словно повешен ржавый железный замок. Лица тяжелые, как мешки с провизией, которые они тащат в руках. Хуже всего они выглядят по утрам, когда везут с собой маленьких детей в ясли (по сути дела, это картинка из «Маленькой Веры» — *Д. Т.*)... Я видела и других женщин. Они выходили из разноцветных автомобилей и шествовали мимо потеющих от напряжения милиционеров к столичному кинотеатру, где показывали очередной фестивальнй киношедевр, недоступный простым смертным. О, эти лица, сверкающие и чистые, как подарок в целлофане!» [Разумовская, с. 77–78]

Училка-шестидесятница не поддается давлению, трендит что-то о высших ценностях, которые юных семидесятнугых совершенно не волнуют. Они прекрасно понимают, что мечты шестидесятников не сбылись и никогда

уже не сбудутся. «Хотите знать, Елена Сергеевна, в чем между нами разница? — говорит Ляля. — Вы всю жизнь боролись, чтобы элементарно выжить, а мы будем бороться за то, чтобы хорошо жить. Да, я расчетлива. Я вынуждена рассчитывать каждый свой шаг, чтобы не повторить судьбу собственной матери. Я даже девственность свою не теряю из расчета. В надежде выгодно ее продать» [Разумовская, с. 79].

В какой-то момент для достижения цели продвинутые «детишки» имитируют сцену изнасилования, пытаются воздействовать на психику упертой Елены Сергеевны, для которой моральные принципы важнее карьеры выпускников. Причем жертвой имитации становится как раз Ляля, не подозревавшая, что мир «подарков в целлофане» имеет свою оборотную сторону.

Конечно, события этого фильма не более типичны, чем события «Ассы». Редкий семидесятнущый опускался от будничных грязных сцен «Маленькой Веры» до откровенной мерзости, показанной в «Дорогой Елене Сергеевне». Но есть в пьесе Разумовской персонаж, который важен для понимания судьбы поколения. Будущий дипломат Володя, разработавший всю интригу с давлением на учительницу для того, чтобы попрактиковаться в манипулировании людьми. Он стремится стать настоящим профессионалом. «Мы хотим делать дело и иметь за это деньги <...> Россия всегда страдала от прекраснотушия и инфантильности интеллигенции и отсутствия трезвых деловых людей. Быть деловым человеком считается у нас чем-то недостойным, почти неприличным. Мы же уверены, что спасти Россию, например, от бесхозяйственности, о которой кричат все газеты, может только наше поколение новых деловых людей», — говорит будущий дипломат, формулируя жизненное кредо своего поколения [Разумовская, с. 86–87].

Подобный прагматичный герой из поколения семидесятнущых (Олег Комаровский) был выведен еще в фильме «Розыгрыш» (1976) Владимира Меньшова. Но «Розыгрыш», обремененный давлением советской цензуры, получился слишком уж слащавым. Плохой, прагматичный Олег там явно противопоставлен хорошему, правильному детям, которых, как велено было считать, в советской стране большинство. В итоге портрет поколения оказался смазан. И лишь у Разумовской, не испугавшейся «чернухи», все точки над «i» были, наконец, расставлены.

Такие семидесятнущые, как герой Разумовской, не только строили ларьки для выживания. Они фактически построили новый мир. Они сформировали целую эпоху — жестокую, эффективную, прагматичную. Они в большинстве случаев добивались цели, не переступая все же через сложившиеся в обществе моральные нормы. Но коли требовали того дело и деньги, любые нормы для достижения цели могли быть отставлены. И в мире семидесятнущых осталось лишь очень мало места для непрагматичной мечты, непрофессиональной гуманности, неэффективной демократии... Вообще в нем сильно сузилось пространство для всего того, что не срабатывает в краткосрочной

перспективе и не приносит выгоды в течение рационально рассчитанного периода окупаемости.

В одном из «детских» фильмов («Дневник директора школы» — 1975) шестидесятники говорят о себе: «Мы — поколение затянувшейся молодости». В этом смысле семидесятнугые могли бы сказать: «мы — рано состарившееся поколение». Оно ведь создало мир значительно более разумный, чем мир «позднего совка». Беда лишь в том, что от нового мира порой тошнит. Подобная противоречивость, не позволяющая рисовать портрет поколения одной лишь белой или черной краской, является важнейшей характерной чертой семидесятнугых.

Активисты, эскаписты, циники...

Итак, картина поколения в общих чертах нарисована. Но надо уточнить, что же мы все-таки понимаем под чертами определенного поколения. Скорее всего, многие из тех, кто сформировался в конце 60-х — середине 80-х, уже примерили на себя «сшитые мной одежды» и нашли их чрезвычайно узкими.

Не спору. Поколение — это условность. Так же как условностью являются многие установившиеся в науке категории: класс, гендер, нация и т. д. Важнейшим элементом анализа является способность абстрагироваться от многих других факторов ради изучения того одного, что выбран для исследования.

Серьезный ученый, работающий на основе классового, гендерного или национального подхода, никогда не скажет, будто все рабочие, все женщины или все русские имеют одинаковые черты. Реальный человек формируется под воздействием множества факторов. Среди них — полученный от природы набор хромосом, семья и школа, место рождения, национальность, жизненный опыт, принадлежность к определенной социальной среде и определенному полу...

Каждый из нас уникален. Любой человек из поколения семидесятнугых по многим параметрам отличается от своих ровесников. Но следует иметь в виду, что наряду с другими причинами на человека все же чрезвычайно сильно влияет то время, когда из уютного детского мирка мы выглянули в суровую взрослую жизнь. В известной мере это время на каждом оставляет свой отпечаток. Оно бьет по голове со всей той силой, какой обладает эпоха. И люди, о которых мы ведем речь, чрезвычайно крепко получили «по кумполу» именно эпохой семидесятых.

Попробуем в завершение работы условно разделить представителей поколения на несколько основных типов.

Активист. Молодой человек этого типа стремился добиться как можно большего успеха, несмотря на рамки, поставленные сложившейся системой.

Он обязательно был комсомольцем и, возможно, успел даже до перестройки вступить в КПСС. Он соблюдал все ритуальные требования советской идеологии, но при этом не относился к ним серьезно. Он, собственно говоря, не служил социалистической системе, как комсомольцы прошлых лет, но в максимально возможной степени стремился поставить систему на службу себе.

Наиболее успешные активисты попадали в комсомольскую номенклатуру. Позднее, в перестройку, они создали центры НТТМ, коммерциализировали их, собрали первые капиталы и превратились в предпринимателей, полностью отряхнув с себя остатки советской идеологии. Однако не следует отождествлять активистов лишь с ушлыми комсомольскими функционерами. Данный тип был широко распространен на производстве и в науке, причем там семидесятнатым в наименьшей степени приходилось кривить душой ради карьеры. Именно из числа активистов вышли, как ни парадоксально, наиболее успешные реформаторы системы. Как в политике, так и в бизнесе.

Особый вариант активиста — это советский спортсмен, поскольку победы на престижных международных состязаниях давали молодому человеку уникальную возможность осуществления быстрой карьеры, сопоставимой, наверное, лишь с успехами предпринимателя эпохи первоначального накопления капитала.

Циник. Представитель данного типа во многом походил на активиста, но в силу ряда причин не обладал свойствами, необходимыми для осуществления быстрой карьеры. Ему не удавалось поставить систему на службу себе. Скорее, он заключал с ней «пакт о ненападении». Ритуальные требования советской идеологии циник соблюдал, но держал при этом фигу в кармане.

В отличие от активиста, который, чтобы не сгубить карьеру, прятал свою фигу чрезвычайно глубоко, циник иногда ее из кармана доставал и демонстрировал друзьям в ходе кухонных разговоров. Именно он был главным распространителем политических анекдотов. Кроме того, циник чаще активиста злоупотреблял алкоголем, поскольку больше чувствовал на себе давление системы. Если активист имел возможность самореализации (пусть с объективными ограничителями, накладываемыми идеологией, уравниловкой и железным занавесом), то циник понимал, что кончит жизнь примерно так же, как ее начал.

Типичный циник — это офицер, дослужившийся до подполковника, преподаватель, ставший доцентом, но не профессором, инженер, получивший к старости пост руководителя низшего звена с небольшой прибавкой к зарплате. Впрочем, перестройка качественным образом изменила жизнь некоторых циников, создав неожиданные возможности для карьерного роста. Те, кто воспользовались ими, стали практически неотличимы от активистов.

Эскапист. Представитель данного типа, так же как циник, не обладал способностями и энергией активиста. Но, в отличие от циника, он вообще

не столь твердо стоял на земле. Зато обладал более развитым воображением. В связи с чем советский эскапист забывался не столько в алкоголе, сколько посредством воображаемого ухода в иные миры, которые часто сам же и сочинял.

Одним из наиболее распространенных вариантов эскапизма являлось чтение фантастики, которую расхватывали в библиотеках, как горячие пирожки. Если для шестидесятников эта литература имела часто идеологическое значение, рисуя те будущие светлые миры, которые намеревались построить истинно верующие коммунисты, то для семидесятнущих фантастика становилась именно вариантом эскапизма. С книжкой можно было забыть на некоторое время и подменить серость обыденной жизни воображаемыми краками иных миров.

Другое направление эскапизма — увлечение историей. Но не реальной, а скорее мифологизированной, героизированной. Семидесятнущий сочинял свой вариант светлого прошлого примерно так же, как, читая фантастику, его собрат сочинял вариант светлого будущего. В этом прошлом царили светловолосые, голубоглазые князья ранней Руси, а также герои пушкинской поры — «все они красавцы, все они таланты, все они поэты». Впрочем, именно из числа эскапистов вышли лучшие ученые-гуманитарии, поскольку именно они умели, отделяя миф от реальности, по-настоящему погрузиться в мир изучаемой ими страны или эпохи.

Наконец, быстро развивающимся вариантом эскапизма стала в позднем СССР приверженность наркотикам. Семидесятнущие постепенно осваивали этот способ ухода от действительности, хотя тоталитарный строй и железный занавес, конечно, сильно притормаживали его развитие.

Политизированный. Этот тип семидесятнущего, пожалуй, больше отличается от других. Он стоит особняком по отношению к активисту, цинику и эскаписту. Для политизированного идеологические основы советской системы имели определенное значение. Он был активен, но не циничен. Он желал так или иначе определиться по отношению к системе, а не искать выход в эскапизме. Однако, в отличие от активиста, политизированный всерьез относился к идеологическим проблемам, а вовсе не имитировал ритуалы с целью выживания и карьерного роста.

Семидесятнущий данного типа был развит не по годам. Уже в школьные годы он интересовался политикой, кое-что знал о белых пятнах советской истории и стремился узнать о них больше. Он мог резко реагировать на политические события, о которых даже его хорошо образованные ровесники не знали и знать не хотели.

В определенном смысле политизированный — это рудимент шестидесятничества. Он по какой-то причине продолжал верить в те ценности, что вроде бы уже оказались дискредитированы реальной жизнью. Возможно, политизированный труднее, чем активист, циник и эскапист, переживал

вынужденный индивидуализм семидесятнубого. Возможно, он происходил из неполной или неблагополучной семьи, с детства много болел и пытался компенсировать одиночество политической квазиактивностью. Возможно, он ощущал большую потребность в идентификации с чем-то сильным, с чем-то великим, с чем-то таким, ради чего стоит отдавать силы.

В этой связи его политизированность, как ни странно, имела чаще левый характер. Наш герой оппонировал разлагающейся советской системе не с позиций общества потребления, а с позиций «истинного коммунизма».

Провинциал. Семидесятнубый данного типа родился в провинции, но всеми силами стремился оттуда вырваться в крупный город. В этом смысле он был похож на активиста, но отличался меньшими амбициями и худшей подготовкой к движению по карьерной лестнице из-за плохого знания правил номенклатурной игры. Отдельные провинциалы в силу удачно сложившихся обстоятельств могли сделать яркую карьеру, но в основной своей массе они все же уступали активистам.

Оторванность от информации делала провинциала порой ортодоксальным комсомольцем, менее циничным, чем «испорченный» житель мегаполиса. С формальной точки зрения он немного походил на политизированного. Однако, по сути дела, здесь было мало общего. Оказавшись в крупном городе и получив доступ к информации, провинциал быстро утрачивал свою убежденность, поскольку она не была для него выношенной и выстраданной, тогда как политизированный, сталкиваясь с реалиями советской системы, проходил через нелегкий душевный кризис.

Успешный провинциал был весьма адаптивен. Без культивирования этой способности он, скорее всего, так и остался бы в провинции. Оказавшись в крупном городе, в иной социальной среде, провинциал мог за считанные месяцы усвоить новые правила игры и стать совершенно иным человеком, с иными взглядами. Формально это вроде бы сближало его с циником. Но циник имел различные взгляды одновременно (одни для «кухни», другие для соблюдения идеологических ритуалов), тогда как провинциал — последовательно.

Ведомый. Данный тип, возможно, является наиболее распространенным, но в то же время наименее интересным для понимания специфики поколения. К нему относились люди, отличавшиеся слабым интересом к общественным проблемам. Они целиком были погружены в семейные дела, либо являлись спортивными болельщиками, идентифицирующими себя с любимой командой. Некоторые все свободное время посвящали легким развлечениям — например, карточным играм.

Соответственно, данный тип семидесятнубого в наименьшей степени отличался поколенческими чертами. Он был как бы вневременным. Мать семейства, целиком поглощенная своими детьми, могла напоминать матрону эпохи Возрождения. А спортивный фанат мог так же не видеть ничего

вне сферы своих интересов, как не видел, скажем, зяблый картежник эпохи Пушкина.

Однако нам все-таки надо принять во внимание данный тип семидесятнутаго, поскольку при перемене внешних условий ведомый мог быстро войти в общественную жизнь. Но он делал это не столько под воздействием факторов, влияющих на поколение, сколько под воздействием той узкой среды, в которой человек оказался. Например, до перестройки ведомый запросто мог разделять официальные взгляды на минусы капитализма просто потому, что этот абстрактный вопрос был для него «делом десятым». Но если при перемене социальных условий близкий круг вводил его в бизнес, ведомый моментально становился сторонником рыночного хозяйства, поскольку именно это хозяйство его кормило и поило.

Легкость, с которой многие ведомые трансформировались при перемене условий, можно считать в известной степени поколенческой чертой, поскольку именно для семидесятнутаго были характерны прагматизм и стремление к адаптации.

Шесть обрисованных выше разновидностей семидесятнутаго являются скорее идеальными типами (по терминологии Макса Вебера). На практике, конечно, не столь уж часто встречался абсолютный активист или стопроцентный циник. Черты разных типов смешивались.

Активисту, даже сильно погруженному в работу, необходим порой отдых. На отдыхе он мог, расслабившись, стать эскапистом, пустив побоку осточертевший идеологический ритуал и отдав дань популярной в 70-е годы фантастике.

Иной семидесятнутаый мог в юности быть не законченным циником, а скорее человеком политизированным, пытающимся идентифицироваться с системой. И лишь обнаружив в ней полностью неприемлемые для него черты, уйти в алкоголь, кухонные разговоры и анекдоты про Брежнева.

Успешный провинциал мог быстро преодолеть барьер, отделявший его от столичной жизни, адаптироваться к правилам номенклатурной игры и войти в ряды активистов, нацеленных на достижение самых высоких результатов.

А эскаписта не всегда легко было отличить от ведомого, поскольку, мысленно уходя в иные миры, он фактически надолго отказывался от всякой активности и мог «проснуться» лишь при качественной перемене социальных условий.

То, как легко смешивались типы семидесятнутаго, особенно ярко демонстрирует их поколенческую общность. При всех личностных различиях эти люди формировались в единой среде, сталкивались с одинаковыми проблемами и вынуждены были, так или иначе, реагировать на вызов определенной эпохи.

Литература

- Андрей Краско. Непохожий на артиста, больше чем артист / сост. И. Краско, А. Величко. М.: Центрполиграф, 2007.
- Андреотти Д.* СССР, увиденный вблизи. М.: Прогресс, 1989.
- Барабанов Б.* Асса: книга перемен. СПб.: Амфора, 2008.
- Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: НЛЮ, 1996.
- Гребенищикова Л.* Мой сын БГ. СПб.: Амфора, 2008.
- Громыко А.* Памятное. Кн. 2. М.: Политиздат, 1990.
- Грушин Б.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-ая. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Ефремов И.* Час быка // Собр. соч. Т. 5, кн. 2. М.: Молодая гвардия, 1981.
- Житинский А.* Цой forever. Документальная повесть. СПб.: Амфора, 2009.
- Козаков М.* Актерская книга. М.: Вагриус, 1996.
- Колесников А.* Анатолий Чубайс: биография. М.: АСТ, 2008.
- Колесников А.* Попытка словаря. Семидесятые и ранее. М.: РИПОЛ классик, 2010.
- Лимонов Э.* Подросток Савенко // *Лимонов Э.* Русское. М.: Ад Маргинем, 2005.
- Лурье В. (игумен Григорий)* Детские впечатления, или в каком «Сайгоне» я вырос // Сумерки «Сайгона». СПб.: 2009.
- Макаревич А.* Сам овца. Автобиографическая проза. М.: Захаров, 2007.
- Мамлеев Д.* Далекое-близкое эхо. М.: Вагриус Минус, 2008.
- Марголис М.* Затяжной поворот. Группа «Машина времени». 40 лет: этапы большого пути. СПб.: Амфора, 2009.
- Маяковский В.* Хорошо! Октябрьская поэма // *Маяковский В.* Полн. собр. соч. Т. 8. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958.
- Млечин Л.* Брежнев. М.: Проспект, 2005.
- Нагибин Ю.* Дневник. М.: АСТ, 2005.
- Немцов Б.* Провинциал. М.: Вагриус, Нижегородский журнал, 1997.
- Новиков В.* Высоцкий. М.: Молодая гвардия, 2006.
- Островский Н.* Как закалялась сталь. М.: Молодая гвардия, 1970.
- От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000.
- Панюшкин В.* Михаил Ходорковский. Узник тишины 2. СПб.: Питер, 2009.
- Печенев В.* Горбачев: к вершинам власти: (Из теоретико-мемуарных размышлений). М.: Господин народ; Феномен человека, 1991.
- Проклова Е.* В роли самой себя. М.: АСТ, Астрель, 2008.
- Раззаков Ф.* Владимир Высоцкий. По лезвию бритвы. М.: Яуза, Пресском, 2004.
- Разумовская Л.* Сад без земли. Пьесы 80-х годов. СПб.: Петрополь, 2004.
- Ронкин В.* На смену декаблям приходят январы... М.: Мемориал, Звенья, 2003.
- Рыбаков Ю.* Мой век. Историко-биографические заметки. Часть I. СПб.: ДЕАН, 2010.
- Рыбин А.* «Кино» с самого начала и до самого конца. Ростов н/Д: Феникс, 2001.

Сванидзе Н., Сванидзе М. Медведев. СПб.: Амфора, 2008.

Соловьев С. Асса и другие произведения этого автора. Книга вторая: Ничего, что я куру? СПб.: Сеанс, Амфора, 2008.

Суходрев В. Язык мой — друг мой. М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2008.

Травина Е., Травин Д. Дети и отцы. Миф семидесятников о самих себе // Звезда. 2010. № 7, с. 164 - 180.

Фирсов Б. Разномыслие в СССР. 1940 — 1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008.

Чазов Е. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М.: Новости, 1992.

Черняев А. Совместный исход. Дневники двух эпох. 1972–1991. М.: РОССПЭН, 2008.

Цой М. Точка отсчета // Виктор Цой. Литературно-художественный сборник. СПб.: Шок RecordsLtd., 1997.

Шатров М. Пьесы. М.: Советский писатель, 1983.

Шестидесятники. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2008.

Дмитрий Травин
Семидесятнугые — анализ поколения

Препринт М-25/11

В авторской редакции

Корректор — Е.А. Пережогина

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 20.09.11
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.



**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**